

Апрель 2016 года №3 (3377)

Издаётся с 4 ноября 1927 года

НЕРГЕТИК

ГАЗЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА «МЭИ»

Энергия – основа всего

26 апреля – 30 лет назад – произошла катастрофа на Чернобыльской АЭС. Давно. Но мы помним. А ведь среди нас, мэвцев, есть люди, которые видели её последствия своими глазами, которые были непосредственными участниками их ликвидации. «Ликвидаторы». На страницах нашей газеты некоторые из них поделились своими воспоминаниями о тех страшных событиях.

О НЕКОТОРЫХ УРОКАХ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ. СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМУ КОМПЛЕКСУ РОССИИ

В статье представлены воспоминания и размышления участника ликвидации последствий аварии на ЧАЭС в 1986 и 1987 годах профессора кафедры информационной и экономической безопасности НИУ «МЭИ» доктора технических наук *Минзова Анатолия Степановича* о ликвидации последствий этой катастрофы. Рассматриваются современные киберугрозы топливно-энергетическому комплексу России и предлагаются направления обеспечения информационной безопасности объектов энергетики, основанные на идеях защиты автоматизированных систем управления технологическими процессами (АСУТП).

Прошло уже 30 лет со дня одной из величайших в мире катастроф – аварии 4 энергоблока на Чернобыльской атомной электростанции. Каждый год 26 апреля мы вспоминаем эту трагедию, которая повлияла на судьбы многих людей и не только Украины, Беларуси и России. Для ликвидации последствий была создана большая группировка войск в составе двух бригад химической защиты, семи полков, трёх отдельных батальонов химической защиты и отдельной роты химиков-дозиметристов, а также личного состава различных оперативных групп и подразделений различных министерств и ведомств. Пополнение группировки войск осуществлялось за счет призыва из резерва отслуживших военнослужащих по военно-учетным специальностям войск радиационной, химической и биологической (РХБ) защиты и инженерных войск. Численность группировки составляла до 30 000 человек и постепенно уменьшалась в течении двух лет. Пополнение личного состава происходило по достижению предельного значения набранной дозы (25 рентген в первый год), а затем по времени нахождения в 30 км. зоне отчуждения. По моим данным численность личного состава, принимавшего участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, либо лиц, приравненных к ним (прикомандированным, но находившимся не в зоне отселения, проверяющим и инспектирующим), составила не менее 500 000 чел. К сожалению, точные данные учета ликвидаторов последствий аварии на ЧАЭС до сих пор не опубликованы, а печальная статистика их

последующей жизни неизвестна. Из тех товарищей, которых я знал лично, принимавших участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС более половины не дожили до 65 лет и ушли из жизни с онкологическими заболеваниями.

Мне пришлось принимать участие в ликвидации последствий 2 раза в 1986 и 1987 годах. В это время я проходил службу в должности старшего преподавателя кафедры автоматизированных систем управления войсками в Военной академии РХБ защиты. Я был назначен на эту должность после окончания адъюнктуры этой кафедры и защиты диссертации на соискание учёной степени кандидата технических наук по специальности 22.02.23 (Поражающее действие специальных видов оружия, средства и способы защиты). Темой моей работы была близка к возникшей ситуации на ЧАЭС и заключалась в разработке методик и алгоритмов обработки данных радиационной разведки местности в автоматизированных системах управления.

В декабре 1986 года я был направлен в состав оперативной группы Героя Советского Союза генерал-полковника Пикалова В.К., которая дислоцировалась непосредственно в г. Чернобыле в здании бывшего райкома КПСС. По прибытии в Чернобыль я был назначен заместителем руководителя оперативной группы, а эта должность предполагала большой объём задач, работ и ответственности. Руководителем оперативной группы был начальник химических войск Белорусского военного округа полковник Ю.Н. Корякин. В состав группы в разное время входило до 20 офицеров, командированных из Военной академии РХБ защиты, Тамбовского и Костромского училищ РХБ защиты и 5 призванных водителей. Среди них в это время были: *Нигара Иван Ильевич, Ларин Сергей Валентинович, Борисов Виктор Александрович, Венгержановский Александр Адамович, Бондарец Николай Петрович,*

Кожокарь Леонид Акимович, Гутников Олег Петрович, Явтушенко Виктор Фёдорович, Кобзев Вячеслав Архипович, Шапов Валерий Павлович и другие.

Оперативная группа выполняла следующие задачи:

- воздушную радиационную разведку в районе 4 энергоблока над сооружением «Укрытие»;
  - наземную радиационную разведку территории и объектов АЭС, местности, населенных пунктов в пределах 30 км зоны;
  - дозиметрический контроль облучения и загрязнения личного состава, загрязнения техники в местах дислокаций;
  - обнаружение и локализацию радиоактивных загрязнений на территории АЭС и в 30 км зоне отселения;
  - обнаружение и учет стихийно организованных могильников с радиоактивным мусором (остатки ТВЭЛов, радиоактивной кровли, строительного мусора и т.д.);
  - контроль организации выполнения работ по программам дезактивации территории ЧАЭС;
  - контроль обеспеченности частей и подразделений средствами защиты;
  - мониторинг программ дезактивации объектов ЧАЭС и участие в их разработке совместно с Научным центром Министерства обороны;
  - взаимодействие с другими оперативными группами: Гражданской обороны, ЧАЭС, Курчатовского института, Научным центром министерства обороны и, конечно, с Правительственной комиссией под руководством Зам. Председателя Совета Министров СССР Б.Е. Щербины.
- Кроме основных задач, на оперативных совещаниях, проводимых Начальником группировки войск генерал-лейтенантом А.Н. Капочкиным, на наш личный состав возлагались решения и других задач, в том числе:
- организация развертывания пунктов специальной обработки личного состава и мониторинг состояния санитарных пропускников на объекты ЧАЭС;
  - контроль учета доз облучения личного состава частей и подразделений;
  - мониторинг радиоактивного загрязнения и контроль работ по дезактивации основных объектов ЧАЭС: кровля 3-го энергоблока; производственные и вспо-

могательные помещения 3-го энергоблока; ОРУ-750; промплощадка; комбинат специальных строительных конструкций (КССК); блочные щиты управления (БЩУ) 1, 2 и 3 энергоблоков; стройплощадка 3-й очереди; отдельные производственно-бытовые помещения в городах Припять и Чернобыль и другие объекты.

Рабочий день оперативной группы начинался раним утром с постановки задач. После этого основная часть группы убывала к контролируемым объектам. Сбор группы был обычно к 19 часам. Обработка поступающей информации начиналась уже с 12 часов дня. К концу дня готовились донесения о ситуации на объектах ЧАЭС в Управление начальника химических войск. Ежедневно, обычно в 22.00, проводились служебные совещания по оперативной обстановке и постановке задач на следующий день. Они обычно заканчивались далеко за полночь. Внезапно возникающие ситуации докладывались немедленно по ВЧ-связи. Ситуацией необходимо было владеть в полном объеме и для этого необходимо было ежедневно лично обеспечивать контроль на наиболее важных объектах ЧАЭС и в пределах 30-км зоны. Часто информация о состоянии обстановки была противоречива, так как из-за частой смены персонала различных оперативных групп приходили слабо подготовленные люди. Это приводило к тому, что на оперативных совещаниях Начальника группировки войск по одному и тому же объекту докладывались различные данные, что приводило к различным, иногда противоречивым решениям. Так, например, по оценкам нашей группы радиационная обстановка на конец декабря 1986 года в «рыжем лесу» была сложной, а мощность дозы составляла в середине леса до 40 рентген/час. А это означало, что утилизацию спиленных деревьев нельзя было проводить путем их сжигания, что предлагалось на совещании, а только путем захоронения деревьев в специально оборудованных могильниках. После проведенного контроля была принята наша точка зрения. Другие ситуации возникли при оценке радиационной обстановки на крыше 3-го энергоблока. В конце декабря при передаче управления группировкой войск от Министерства Обороны Гражданской обороне было выяснено, что фактические результаты радиационной обстановки на крыше 3-го энергоблока существенно отличаются от тех, которые были в донесениях. Эта ситуация разрешалась с привлечением сотрудников Курчатковского института. Так как войсковые приборы измерения мощностей доз зашкаливали, было принято решение использовать индивидуальные дозиметры, закрепленные на полиэтиленовом полотне с шагом 1 метр. Через определенное время после экспозиции пленка с дозиметрами снималась, определялись дозы излучения каждого дозиметра и рассчитывалась средняя мощность дозы излучения. Они превышали в несколько раз ранее измеренные мощности доз. Это потребовало повторной дезактивации кровли 3 энергоблока.

Что чаще всего вспоминается? Наиболее яркие воспоминания у меня связаны с первым посещением ЧАЭС и масштабом проведенных разрушений. Сегодня существуют различные точки зрения на причины аварии и сценарии разрушения 4-го энергоблока. На мой взгляд, более правдоподобны версии, которые говорят о двух взрывах на 4 энергоблоке: тепловом и ядерном уж очень большие последствия этой аварии для теплового взрыва.

Наконец о главном. Нельзя завершить статью без размышления о том, как создать условия, недопустимые для подобных катастроф. Безусловно, что это комплекс проектных, технических и организационных решений, направленных на обеспечение промышленной, технологической и экологической безопасности объектов топливно-энергетического комплекса нашей страны. Однако в последнее время появилась ещё опасность, связанная с широким применением автоматизированных систем управления технологическими процессами, подверженным кибератакам при их массированном воздействии на элементы этих систем. Это может привести к неуправляемым процессам при производстве, распределении и передаче электроэнергии и энергоносителей, приводящим к критичным ситуациям и катастрофам национального масштаба, подобным аварии на ЧАЭС в 1986 году. К сожалению, состояние существующих систем информационной безопасности топливно-энергетического комплекса РФ, как и во всём мире, нельзя признать удовлетворительным. Об этом говорилось в решении Совета безопасности РФ от 8 августа 2013. В этом документе была отмечена техническая и технологическая зависимость критически важных объектов (КВО), к которым относятся объекты топливно-энергетического комплекса, от иностранных компаний, производителей оборудования и программных средств, а также признано наличие практики удаленной настройки АСУТП КВО и телекоммуникационного оборудования этими компаниями. Не менее важными угрозами обеспечения безопасности АСУТП КВО были отмечены следующие:

- Использование разработчиками программного обеспечения АСУТП КВО типовых решений и заимствованного программного обеспечения.
- Сложившаяся среди операторов и владельцев информационных систем тенденция сокрытия попыток или фактов нарушения их штатного функционирования.
- Недостаточный уровень образования и профессиональной подготовки персонала, обслуживающего АСУТП КВО.
- Отсутствие нормативно-правового регулирования процессов обеспечения безопасности автоматизированных систем управления КВО, в том числе в части определения уровня их реальной защищенности.

Эти обстоятельства ещё более увеличивают вероятность скрытого управления элементами АСУТП и создают предпосыл-

ки управляемых катастроф. В этих условиях возрастает роль НИУ «МЭИ», как основного отраслевого энергетического университета России. Основные направления работ по обеспечению безопасности топливно-энергетического комплекса страны должны объединить усилия различных подразделений НИУ «МЭИ» и в том числе кафедр: АСУТП, АЭС, ИЭБ, ММ, ПМ, УИ и других. Основные научные направления, на мой взгляд, должны включать:

1. Проведение научных исследований для обоснования концепций защиты АСУТП. Основной принцип защиты может быть основан на создании механизмов доверия к системе многоуровневого управления логикой процессов. Система управления механизмами доверия, в этом случае, должна включать контроль на уровне как отдельного интеллектуального устройства (ПЛК) и кластеров устройств, управляющих определенными процессами до интегральных показателей работы объекта энергетики.
2. Разработка программных, программно-аппаратных и технических решений по защите АСУТП объектов электроэнергетики, их практическая апробация и опытная эксплуатация. Разработка отраслевого стандарта по защите АСУТП. Согласование стандарта с ведомствами, регулирующими систему защиты КВО.
3. Разработка методологии аудита уровня защиты АСУТП объектов электро- и теплоэнергетики и соответствующего отраслевого стандарта. Разработка учебно-методического обеспечения по подготовке специалистов по проектированию и внедрению систем информационной безопасности АСУТП на объектах электро- и теплоэнергетики.

В заключение хочу привести стихи, которые я услышал в Чернобыле (автор стихов предположительно Шкляревский Игорь):

*То, друзья, не сказка – это было,
Есть на свете город Чернобыль.
От рентгенов там сосновый лес
Весь звенит, нет в мире звонче мест.*

*Но собрался в городе народ,
Им не надо лозунгов «вперед».
И не ждут здесь окончания смен,
Им не важно, сколько там рентген.*

*Этим людям в пояс поклонюсь,
Только подступает к сердцу грусть,
Только на глазах моих слеза,
Шли Они, хотя туда – нельзя.*

*«Не свети», прошу, сосновый лес,
Здесь опять работает АЭС,
И реактор спрятан за стеной,
Есть один вопрос: «Какой ценой?»*

Это было очень давно

*Счастье – это хвост жар-птицы, за который
хватаяешься, подобно Ивану-дураку,
тянешь его изо всех сил.*

*Но в руках остается лишь перо, горящее в ночи.
И проходят мгновения,
свет его тускнеет, меркнет, умирает,
оставляя лишь легкий пух воспоминаний.*

Это было очень давно. Это было в те далекие времена, когда на политической карте мира еще не было такого государства, как Россия. Это было в те времена, когда я, мой брат, мои родители, моя близкая и далекая родня жили в одной стране, и когда я ехал к кому-нибудь в гости или к родителям домой, у меня не возникало вопроса: «А нужен ли мне загранпаспорт?». (Да и вообще загранпаспорт был чем-то далеким и загадочным – уделом дипломатов, спортсменов и деятелей культуры.)

Сейчас мы живем в разных странах (в России, Казахстане и Украине), а тогда это была одна, еще не развалившаяся на мелкие льдины и льдинки страна-айсберг – большая и могучая империя с вызывающим и эпатажным именем «СССР» («Что это за страна с именем, состоящим из четырех согласных букв?» – «Как можно жить в буквах?»).

В то время, про которое пойдет ниже речь, страна была на подъеме. По крайней мере, нам (живущим в то время и в той стране) так казалось, что – на подъеме, на взлете. Как позже выяснилось, этот взлет уже находился за пределом возможного, и требовал чрезмерного напряжения сил от страны – напряжения, в конечном счете, и поломавшего ей крылья. Так бывает в жизни. Бывают такие взлеты, за которыми следует падение. И полет еще длится, еще возносит вверх – навстречу солнцу, а уже возникает предчувствие, что скоро подъем прекратится, что это уже и не взлет даже, а точка зависания, миг, след за которым будет падение, стремительное и головокружительное ускорение в бездну.

Страна была на подъеме

Страна была на подъеме. Шла весна 1986 года. Я учился в Московском энергетическом институте на Теплоэнергетическом факультете. Заканчивал 3 курс. Совсем недавно (еще и года не прошло) отсверкал, отгулял, отсгучал гамтамами Московский фестиваль молодежи и студентов, оставивший после себя яркий пестрый шлейф воспоминаний, противоречивых и разнородных, как и многое в той легендарной, уже несуществующей стране, где комическое очень часто соседствовало и мирно уживалось с патетическим.

Начался для меня фестиваль задолго до своего открытия. Весной 1985 года всех студентов первым делом угрозами и посулами заставили записаться в стройотряды (причем, нас с моим другом Костей Рязановым записали в разные отряды, и мы в результате посмотрели на фестиваль с разных сторон).

Я в «Москве-85» занимался ремонтом институтского корпуса «К». А вот Костя работал в стройотряде «Сервис-85», обслуживающим советских гостей фестиваля, которых поселили в общежитиях нашего института, в том числе и в общежитии нашего факультета.

Ребята из отряда работали сантехниками, плотниками, электриками, дежурили на этажах – в общем, обустраивали быт гостей. Впрочем, гостей из регионов Союза гостями назвать можно было только условно. Ребята съехались со всех республик и областей СССР, прошли отборочные конкурсы для того, чтобы попасть на фестиваль, но, в конечном итоге, они тоже были обслугой. Дни до открытия фестиваля у них проходили в бесконечных репетициях. Так рождались представления Открытия и Закрытия фестиваля.

Поприсутствовать самолично на представлениях не удалось ни мне, ни Косте, но так как стадион «Энергия» находился недалеко от общежития ТЭФа, наблюдать рождение зрелищ можно было в свободное от работы время.

Запомнилось открытие культурной программы фестиваля. Во-первых, в парке имени Горького по дороге на концерт, посвящен-

ный ее открытию, я попробовал первый раз импортный газированный напиток «Фиесту» (волшебный напиток, неизвестно по каким причинам безвозвратно оставшийся в прошлом). Но не только изыски чревоугодия трогали юное, открытое новым впечатлениям сердце... Помню Иннокентия Смоктуновского в Зеленом театре. Он вылетел на сцену с широко раскрытыми руками, навстречу миру и зрителям распахнув грудь и сердце. Потом были чтецы и танцоры.

Танцы закончились всеобщим братанием, и когда пляшущая и поющая толпа студентов, перемешанных с танцорами, вывалила за ворота парка Горького на тихие улицы ночного города, прекратить ее громкоголосое ликование смогли только цепи напряженных и озабоченных милиционеров, взявших на вооружение тактику действий во время футбольных матчей в Лужниках между «Спартак» и «Динамо-Киевом». Толпу расскледи на части и оттеснили в разные стороны. Но долго еще отражались от стен спящих домов песни растекающихся к местам дислокации полуночников.

Потом был еще «Звездный марш мира», в котором по проспекту Мира через всю Москву должны были пройти стройными колоннами, разделенными шеренгами знаменосцев, участники фестиваля и студенты-стройотрядовцы.

Но – все проходит. Прошел и Фестиваль молодежи и студентов. На смену 1985 году пришел 1986-й.

Весна 1986 года

Шла весна 1986 года. Уже закончилась череда похорон генсеков. К власти пришел Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев, неожиданно молодой для такой должности, что породило в наших умах смутные надежды на перемены.

Но год 86-ой как-то с самого начала не заладился.

Начавшаяся еще в прошлом году антиалкогольная компания начала приносить свои первые горькие плоды. И если на фестивале неподдельную радость доставляло резкое увеличение точек, продающих в розлив безалкогольные напитки (раньше летом в Москве можно было умереть от жажды в поисках автомата с газированной водой), то в следующем году настал черед удивляться другому. В Москве появились огромные, временами перекрывающие автомобильное движение, очереди за водкой. По ночам улицы заполнили волшебники-таксисты, в условиях конспирации, за двойную цену побеждающие любую жажду.

На букву «Че»

Это утро ничем не отличалось от многих других. Обычное полусонное студенческое утро, когда организм еще спит – ноги сами, на автомате, доносят тело до аудитории, а уши напрямую, не пробуждая мозга, транслируют слова лектора сразу на руки для фиксации в конспекте.

Группа Т-9-83, в нестройных рядах которой я и проходил обучение, приползла на утреннюю лекцию, которую должен был прочитать профессор нашей кафедры «Автоматизированные системы управления тепловыми процессами» Волгин. Но классической лекции не получилось. «Папаша Волгин», как его добродушно у нас называли, спокойно и профессионально освободил наши мысли от остатков сна, встряхнув их известием о том, что на Чернобыльской АЭС произошла крупная авария.

А надо сказать, что девятые группы Теплоэнергетического факультета (включая и нашу группу) специализировались на автоматизации тепловых процессов на АЭС, и производственная практика на старших курсах обычно проходила на атомных станциях. Так вот – Чернобыльская АЭС была одной из самых любимых. Ребятам, кто проходил на ней практику, нравились и сама станция; и место, где она расположена; и люди, которые на ней работали, тоже нравились.

В то далекое утро мы не знали причин аварии, и вся лекция прошла в попытках угадать – что же произошло на станции. Не надо

упрекать нас в наивности – тогда не только у нас была «железная» уверенность в надежности атомных станций. Даже при оценке возможных аварий обсчет шел только на разрыв трубопровода ГЦН (главного циркуляционного насоса), то есть все той же аварии первого контура. («Что Вы! Вероятность и этой аварии – 1 раз в 10 тысяч лет! Что-либо более серьезное просто невозможно!»)

В Советском Союзе на АЭС чаще всего ставили реакторы двух типов – ВВЭР (Водно-Водяной Энергетический Реактор) и РБМК (Реактор Большой Мощности Канальный). («Эх! Подвели все-таки, каналы!») При этом РБМК имеют еще и двойное назначение. Они решают не только мирные, лежащие на поверхности и доступные стороннему взгляду задачи, не только задачи, направленные на удовлетворение энергетических потребностей – РБМК решают еще и задачи военные. Задачи, про которые знают специалисты, которые вроде бы и не секретны на сегодняшний день, но упоминания о них в открытой прессе не часты. На Чернобыльской АЭС стоят реакторы типа РБМК. Эти реакторы вырабатывают плутоний – «топливо» для атомных бомб.

Задумывался ли кто-то в те советские времена, что желание «и рыбку съесть, и на елку сесть, и попу не уколоть» обычно ни к чему хорошему не приводит? Задумывался ли кто-то, что заложенная в угоду двойным назначениям еще в теории неустойчивая работа реактора, допускающая возможность его «саморазгона», рано или поздно скажется и на практике? Задумывался или нет – не знаю. Но даже если и задумывался – видимо, военные потребности страны перевесили логику разума. (Родина сказала: «Надо!» – Комсомол ответил: «Есть!»)

Уже после того, как написал эти строки, попались мне в руки воспоминания с пяти магнитофонных кассет, надиктованных академиком Легасовым В.А. «Об аварии на Чернобыльской АЭС».

И читая их, узнал я, что – были люди, кто понимал ненадежность реакторов РБМК, кто видел, что люди небрежно относятся к делу, которое выполняют – при проектировании и постройке станций, при их эксплуатации, при контроле за этими работами. Но слово «Надо!» задавило мозги аналитиков. А отсутствие полноценного контроля и бездумная уверенность, в том, что все неточности, некорректности и отступления от запланированного сойдут с рук – усложнили ситуацию.

Комсомол ответил: «Есть!»

Прошло некоторое время прежде, чем Саша Ткачук, бывший ранее комсоргом факультета, а на тот момент уже работавший в институтском комитете комсомола, промчался по этажам общежития с вестью, что набирается отряд добровольцев для работы на Чернобыльской АЭС дозиметристами. Я этому, честно говоря, не очень-то и поверил, но все равно записался.

Сейчас попытаюсь описать весь набор двигателей этого моего поступка.

Много здесь было всего понамешано. И энтузиазм советского комсомольца, конечно, присутствовал. И жажда приключений, замешанная на непуганности идиота, воспитанного в брежневскую, защищенную от всяческих невзгод, пору. («Ну, уж если туда зовут, значит, уже все продумали, и бояться нечего.») И юношеское любопытство вперемежку с пренебрежением к возможной опасности.

(А что потерял я на этой земле?

Один только ветер, и тот – в голове.

Один ясный день, растерявший все краски.

Один желтый лист, да и тот – типографский.)

К тому же, присутствовал и некоторый зародыш профессиональной гордости и ответственности за будущее дело – уж если я планировал работать в атомной энергетике, то кроме теории и светлых сторон этой отрасли, надо было узнать и о проблемах. («Вот ты говоришь: «Я – ядерщик! Я – ядерщик!» А бросил ли ты хоть одну лопату урана в активную зону реактора?») К тому же, то, что работа изначально планировалась с дозиметристами, обнадуживало – это позволяло самостоятельно контролировать ситуацию.

Но была еще и другая причина. Ниже – отрывок из письма, по которому многое становится понятно. Это письмо я написал своим родителям и брату и отправил из Москвы в далекий степной город

Джезказган. (Сейчас и города этого нет на современной карте мира. В независимом Казахстане его переименовали в Жезказган, и на всех постаментках, лежащих рядом с дорогами и отмечающих въезд в город, поотколупывали букву «Д»).

«Здравствуйте, мои родные! Вчера сдал последний экзамен на четыре. Уложился в сессию. Так что у меня теперь должна быть стипендия... Да, у меня тут появились новости. Практика у нас должна быть до 4 августа, а 30 августа уже надо быть в Москве, ехать на картошку. Я так подумал и решил, что это уже чересчур. Поэтому когда у нас здесь набирали отряд, я тоже решил поехать.»

Работать будем 2,5 месяца. Обещают хорошие заработки. К тому же, обещали в этом случае от картошки освободить. А это значит, что весь сентябрь можно будет отдыхать дома (это вместо 2 недель августа). Так что я думаю, что я не прогадал. Съезжу, поработаю. Лишь бы не обманули и освободили от картошки (да не заставили бы практику отрабатывать на кафедре).

Едет нас немного, человек 25. С двух факультетов: нашего и энергофизического. Частью отряд будет состоять из студентов, частью – из аспирантов наших.

В общем-то, все должно сказать завтра в 10 утра в деканате. Схожу завтра, узнаю. Ну, вот, в общем-то, и все новости.

15 / VI – 86 г.

Владимир.»

Как видите, про то, **что** это за отряд, и **где** он будет работать, я ничего не написал (огорчать не хотел раньше времени). А вот то, что летом я хотел побить дома подольше, из письма видно. И этому была серьезная причина. (Хотя, вообще-то, не такая уж и серьезная. Скорее, причина была смешливой и хохотливой.) Дело в том, что в последние зимние каникулы закрутилось у меня знакомство с одной девчужкой. И очень хотелось это знакомство продолжить... (И что там какой-то Чернобыль, если где-то тебя ждет хорошенькая девчонка!)

В общем, решение было принято, установка на цель сформирована, оставалось немного подготовиться и пройти все препоны, проламывая заборы и сметая все на своем пути. Первой преградой была медкомиссия, на которой врачахи упорно допытывались – по своей ли воле иду, и нет ли желания «откосить» от грядущего приключения (у меня из-за плохого зрения такая возможность была). Кажется, после этого раунда были и потери в рядах нашего, уже в целом сформировавшегося отряда – не все бойцы прошли в следующий круг.

Потом был краткий курс молодого дозиметриста, который вел профессор Голубев. Занятия и экзамены к этому времени уже закончились – институт и общежитие несколько обезлюдели. (В Лефортово в это время, в начале июля, в воздухе висят легкие парусники тополиного пуха, и так волнующе пахнет молодыми тополями, свежеспеченным хлебом и еще чем-то еле уловимым, кружащим голову – быть может, свободой?)

Мы собирались в дорогу. Кто-то из ребят взял футбольный мяч. Кто-то – гитару. Кто-то – катушечный магнитофон и катушки с записями к нему. Что нас ждет впереди, мы представляли смутно, поэтому сразу определились, что с собой возьмем только те вещи, которые не жалко будет оставить там – в зоне.

Уже появился этот термин – «тридцатикилометровая зона отчуждения». Незадолго до этого в кинотеатрах массово прошел снятый с дальних запыленных полок «Сталкер» Тарковского. В умах бродили аналогии со странной, холодной и тревожащей атмосферой фильма. Термины от Стругацких рвались в реальную жизнь – «зона» прозвучала в правительственных документах и осталась в истории, «сталкер» тоже звучал первое время, потом перестал – не прижился как-то, хотя до сих пор еще выныривает время от времени на страницах прессы, охочей до жареного.

Когда мы с ребятами зубоскалили на тему о названии для нашего отряда, кроме эпатазирующего «Чернобыль-86» предлагался еще и романтический вариант – «Сталкер-86». Впрочем, варианты наши, конечно, никого не интересовали, и в жизнь вошел и навсегда там остался «Дозиметрист-86».

Потом мы получили спецодежду (тоже с прицелом после использования выбросить). В комнате общежития, в которой жил Фарит Зябиров, я выбирал среди двух вариантов костюмов свой размер.

Взял себе гордость геолога – энцефалитку. Штормовка и штаны. С резинками на запястьях и возле ступней. Молния закрывает ворот наглухо. Капюшон затягивается так, что незащищенным остается только лицо. Низ штормовки и верх штанов тоже затягиваются и плотно прилегают к телу. На штанах по два кармана с клапанами на пуговицах. Материал плотный, толстый, цвета хаки. По тем временам такая куртка была жутким писксом казэшней моды! (КСП – вот еще одно слово, оставшееся в прошлом, и расшифровывается оно, как Клуб Самодельной Песни.) Для леса, для ночного костра, для самодельных гитаристов, расплескивающих вино и роняющих кильку в томате – для этих условий энцефалитка была очень удобной и практичной вещью. (Этот комплект я еще и потом, после Чернобыля, долго по лесам и по полям обтрепывал.)

Итак, что мы имели на тот момент? Теоретические знания – «мало-мало есть», спецодежда – «ставим плюсики», бытовые и спортивные изыски – «прихвачены». До места дислокации еще надо доехать, а в дороге нельзя без оружия – из закров мзевских лабораторий получили переносной с ремнем через плечо дозиметр РГД (на первое время хватит). Пора было выдвигаться в дорогу.

Дорога

Дорога из Москвы в Чернобыль пролегла через Киев. У меня есть фотография. Вечер 21 июля 1986 года. Отряд почти в полном составе, не хватает нескольких человек, уже выехавших на разведку в Киев. Над нами – крыша застекленного перекрытия Киевского вокзала, за нами – бюст Ленина, перед нами – оставшийся за кадром поезд, который повезет нас в новый, неизвестный и тающий в себе опасности, мир.

Уже рано утром мы были в Киеве. Нас встретили сладкое теплое украинское утро и ребята из группы квартирьеров. Почти весь этот день мы провели в Киеве.

Потоптались в министерских приемных, выправляя какие-то бумаги. В результате все бойцы были снабжены разовыми бумажными пропусками на въезд в тридцатикилометровую зону (потом нас снабдили постоянными, закатанными в пластик пропусками для перемещения по зоне, которые мы и носили на шее, на веревочке).

Погоуляли по Крещатику среди его залитых летним зноем каштанов. Заглянули в магазины, которые показались более заполненными товарами, чем московские.

И только уже ближе к вечеру мы добрались до речной пристани, где и сели на теплоход. Из Киева в Чернобыль путь лежал по реке.

Все как-то присмирили, и откуда-то набежавшие тучки превратили день из яркого и безоблачного в сумрачный и невеселый. Когда высаживались на пристани в Чернобыле, я обратил внимание, что зрение мое как будто ухудшилось – какие-то помехи появились, какие-то черточки и крапинки, мелькающие перед глазами, навроде

того, когда «снежит» на экране телевизора. Позднее где-то попадалась мне информация, что некоторые люди чувствуют повышение уровня радиации – как-то на зрении это сказывается. То ли у меня был схожий случай, то ли это просто сказало волнение перед неизвестностью, но только на выезде из «зоны» произошло что-то похожее, но с обратным знаком – «все стало вокруг голубым и зеленым».

Первое, что рубануло по глазам, это безраздельное господство мужского пола и однообразный внешний вид – все в спецодежде.

Следующее, что запомнилось, это черновильская столовая и ужин в ней. В столовой было множество снующих, голодных, раздраженных людей, которые прибыли на ужин с разных работ, в том числе и связанных с сильной радиоактивностью. Радиоактивную грязь таскали они без всяких ограничений.

Мы поставили пару стульев на входе, организовав на скорую руку дозиметрический пост. Среди голодных старожилов было несколько попыток бузы и несанкционированного прорыва к вожделенной пище, но попытки бунта были в зародыше подавлены, не вызвав особого сопротивления – в чистоте и безопасности все и так были заинтересованы. Только одна проблема волновала тех, кто «светился излишне ярко» – надо где-то сменить одежду и обувь (именно они и светились). Решили и это. Отправляли с рукописными записками в ближайший склад обуви и одежды – таких складов было много. Пользовались РГД, который привезли с собой.

Все бы было ничего, если бы не пошли рабочие, занимавшиеся земляными работами. Достаточно быстро поняли, что бытовые РГД, использующиеся в обычных, мирных условиях, здесь не годятся – для тех, кто приехал с земляных работ, шкалы прибора не хватало. Кто-то принес военный дозиметр ДП-5В. Вот это уже было то, что нужно – шкалы «дэпэшки» хватало с походом. (В дальнейшем, на пропускных пунктах мы работали только с ними.) Уже не помню – какой порог был выбран в качестве критического, после превышения которого людей за порог не пускали. В конце концов, и сами поужинали, подменяя друг друга.

Конец пути был уже близок – в качестве места базирования нам определили пионерский лагерь «Сказочный», находящийся между городом Чернобылем и Чернобыльской АЭС (от станции примерно в 50 километрах).

Сказочный

Пионерский лагерь «Сказочный» был построен среди соснового бора для летнего отдыха детей сотрудников АЭС. Красивое место. Вкусный воздух. Удобные корпуса – небольшие одноэтажные (в таком разместились и мы) и большие, в несколько этажей. Вместительная столовая. Большая сцена под открытым небом, обрамленная полукруглыми рядами деревянных скамеек. Крытый спортзал с баскетбольными кольцами и стойками для крепления волейбольной сетки. Открытые волейбольные и баскетбольные площадки. Футбольное поле. Летний открытый бассейн на несколько дорожек, с душевыми. И даже – роскошная, с любовью отделанная деревом сауна.

В нашем корпусе, состоящем из двух комнат, поставили раскладушки по числу бойцов. Мне досталось место напротив входа. Рядом устроился Коля Поздняков.

Переоделись в спецодежду, которую привезли с собой (потом мы получили еще один комплект – х/б спецовки, бахилы, шапочки – который и будем, в основном, пользоваться в повседневной жизни). Гражданскую одежду сложили в пластиковые мешки, которые плотно завязали. (Она нам понадобится теперь только через две полные вахты, т.е. через месяц.)

На следующее утро получили от командира отряда Саши Коваля распределение по местам работы. Таких мест

было несколько: осуществлять дозиметрический контроль на входе в п/л «Сказочный», на Первом и Втором АБК ЧАЭС, а так же обрабатывать показания индивидуальных дозиметров в Чернобыле. Видимо, тогда наши командиры и определили, что самую опасную работу будут выполнять ребята постарше возрастом, т.е. в основном, аспиранты. Такой работой была работа на 2 АБК (именно этот АБК обслуживает Третий и аварийный Четвертый блоки ЧАЭС).

Мне же, как и Фариту Зябирову, в качестве первого направления досталась работа на контрольно-пропускном пункте «Сказочного». Работа была организована круглосуточно – по 12 часов. Всего было три смены по два человека. Мы вышли первыми, в дневную смену. Вся территория пионерского лагеря была огорожена забором. В одном месте – проходная. Вот туда-то мы с Фаритом и направились утром 21 июля. Мы уже знали, что на проходной есть дозиметры, есть склады новой одежды и обуви, и кого-то мы там должны подменить.

Заглянув в сторожку, оборудованную возле входной калитки и въездных ворот, увидели там парня в стройотрядовской куртке. Разговорившись, выяснилось, что он студент московского вуза (подзабыл уже – то ли МИФИ, то ли МИСИ).

Этот искатель приключений пробрался в зону полулегально, так как помчался из Москвы в Чернобыль сразу же, как узнал про аварию на ЧАЭС. Тогда еще не успели выставить оцепления, поэтому проблем «перехода границы» у него не возникло. Потом его носило по зоне, где он по мере сил помогал, правдами и неправдами увиливая от выдворения «на Большую землю» – понимал, что потом уже вряд ли удастся пробраться обратно. Вот так и жил, пока его «энтузиазму» не нашли применения на проходной «Сказочного». Здесь он и трудился круглосуточно без смены и подмены. Подмена в нашем лице явилась для него неожиданностью, и видно было, что уходить и передавать нам дозиметр ему очень не хотелось. К сожалению, не помню имени этого симпатичного мне человека. Как сложилась его дальнейшая жизнь? Чем расплатилась с ним судьба за его безрассудное геройство?

В тот же день мы познакомились еще с одним, очень интересным человеком – с кладовщицей, работавшей на складе одежды и обуви. Она была из жителей города Припяти. Сейчас, конечно, жила уже в «Сказочном». Позднее, во время долгих вахт, она много рассказывала про мирную жизнь, очень хвалила и город, и отца города – директора АЭС Брюханова. После аварии Брюханова посадили, а в «мирное» время это был очень уважаемый всеми человек, который много хорошего сделал и для города, и для станции.

Эта женщина рассказывала и про дни, которые разбили ее жизнь и жизнь многих других людей. Говорила, конечно, и про то, как аварию замалчивали до последнего, и только из семей сотрудников станции доносились какие-то смутные и тревожные слухи. Рассказывала, как сажала картошку, глядя в рыжее, затянутое страшным выхлопом небо. Как потом спешно эвакуировался город, и всех убеждали, что это ненадолго, всего на два-три дня, чтобы не брали с собой много вещей – только деньги, документы и самое необходимое.

И как в это же время семьи партийного и городского руководства загружали по несколько машин вещей, вывозя из квартир все, включая ковры и мебель. Грустила, вспоминая, как эвакуация разметала членов ее семьи по разным городам, и не знала она – где искать, куда звонить, кого просить о помощи – муж остался работать на станции, детей вывезли в какой-то санаторий за пределы зоны.

Особенно тяжело и непривычно было слушать ее рассказ про то, как ночью после эвакуации из Припяти их привезли в пионерлагерь «Сказочный», и как они проходили дезактивационную обработку на входе. Свидетель тех событий был все еще рядом с проходной. Санпропускник. Этот своеобразный человекопрогонник сбили на скорую руку из свежесрубленных сосенок, обтянув каркас целлофановой пленкой.

Прежде, чем войти туда, люди снимали свою верхнюю одежду (пальто, куртки, пиджаки) и вешали на ветки окружающих деревьев (жалко было бросать на землю, не хотелось мириться с тем, что любимые вещи уже им недоступны). Потом входили в помещение (стены, пол и потолок из натянутой пленки), в котором снимали оставшуюся одежду. Далее шли в душ, мылись (кажется, применяли какой-то специальный раствор). Переходили в следующее помещение, где уже одевались в казенную одежду (спецовки, бахилы, шапочки). И только после этого проходили на территорию лагеря.

Так и шли, все вместе – голые мужчины, голые женщины, голые дети. Очень организованно и тихо. Даже дети (а их было много) молчали. Как будто понимали, что происходит что-то важное. Шли, как будто переступая какой-то порог – грань между тем, что было, и тем, что будет. Шли, понимая, что возврата в старую жизнь нет.

Одежда вся пошла в захоронение – и нижняя, и верхняя. Только верхнюю убрали не сразу. И еще несколько следующих дней всех людей, въезжающих в «Сказочный», встречали сосны, одетые в сотни пиджаков и пальто.

Владимир Дуленчук

Жаркое лето 86-го

Сейчас уже совсем по-другому помнится – как всё это было.. Лето 1986 года. Студенческий отряд «Дозиметрист-86» – это 10 аспирантов и 15 студентов Московского энергетического института.

Поездке на станцию предшествовала неделя подготовки по дозиметрии – на кафедре АЭС МЭИ – подучились работе с дозиметрическим оборудованием. В принципе, энергетическое оборудование мы знали, но задачи на ликвидации аварии не были связаны с оборудованием, в Зоне нужны именно дозиметристы. Проверять предметы, продовольствие, дома, одежду, в общем, всё что там есть. Завалы и грязь убирала армия, техническую работу на станции и в зоне вели команды специалистов с других АЭС, а вот дозиметристов не хватало.

Если помните, лето 1986-го было замечательное... Поэтому, кстати говоря, 20 июля не было никакой тревоги – группа ребят в стройотрядовской форме на Киевском вокзале – с гитарами, улыбающиеся. Сфотографировались на память – и в поезд: не плачь, девчонка, пройдут дожди... В то лето поговаривали, что дожди приносят радиацию. Дождей в Киеве не было – тоже солнце, все вроде на местах. «Ракета» понесла нас по водохранилищу в Зону. «Излюбленные места отдыха киевлян, – говорили старожилы, – какие красоты сгубили...». Вот и пристань в Чернобыле. Тут и сошла веселость – люди на берегу с респираторами, тишина, оркестры не играют, фанфары не поют.

Старенький ЛАЗ помчал нас к месту проживания с символическим названием – пионерлагерь «Сказочный». Кажется, в красном уголке мы жили, одно-

этажный домик среди сосен. Кровати, матрасы, одеяла – разобрались уже к вечеру. Две бригады получились из нас. Половина обрабатывала дозиметры в школе, в Чернобыле, а половина дежурила на входе на саму станцию. Хорошо помню, как наш командир Саша КОВАЛЬ рассказал, где какие особенности, какой риск. Подчеркнул, что на станции – опасно, и посему речь может идти только о добровольцах. Пауза. «Кто желает?» – лес рук в ответ.

Собственно, сам Чернобыль – совсем небольшой райцентр, не больше 40 тысяч жителей, по-моему. Дома в основном – двухэтажные, 50-ых годов. Яблоневые сады, резные палисадники, неторопливая жизнь. Была...

В здании обычной школы с доской почета школьников – служба дозиметристов. Сюда свозят дозиметры тех, кто работает на станции. И тех, кто работал там с весны, с мая. Впрочем, в мае дозиметров практически не было.

Знаете, как мы определяли дозы тем людям? Правильно, умножаем время пребывания людей там, на мощность излучения в то время. Время – по их словам, мощность излучения – по замерам этих мест в указанное примерно время. Потом все это суммировалось и попадало в Реестр. Ну а те, кто работал уже летом, сдавали личные дозиметры для обработки.

Иногда казалось – вокруг обычная жизнь, только не слышно детского смеха, люди ходят в серых и белых робах,

БТРы по улицам катаются. Артистки Киевского варьете приезжали. А, ещё яблоки... все сады – в яблоках. Собирать и есть некому. Да и незачем, завязь-же была в мае. Правда, мы попробовали определять их загрязненность, но у нас были не те приборы.

В лагере – после возвращения – телевизор, пробовали организовывать заплывы в бассейне, пока он ещё работал, потом матчи по

волейболу. Кроме нашего отряда, были ребята из Горьковского Политеха, кажется. Они работали в Припяти. Там, конечно, обстановка похуже.

Собственно сама станция была километрах в 15-20. Туда везли на первом, «чистом» автобусе до Копачей, это поселок совсем рядом с АЭС. А там пересаживались на «грязный» автобус, с экранированными окнами, и – к административному зданию.

Хорошо помню первое впечатление от АЭС. Начало августа 86-го. Пасмурно, автобус с экранированными доверху стеклами подъезжает к главному входу. Это АБК-1 – административно-бытовой корпус первой очереди, отсюда люди идут на первый и второй блоки. Хочется побыстрее войти в здание. Ну а внутри почти толчея – народу на станции много. Но непосредственно на блоки входят только те, у кого на пропусках – «Всюду».

В качестве «вахтеров» – охрана из внутренних войск с других станций, и мы рядом – с дозиметрами. Контроль одежды, обуви, инструментов. Поэтому проверяли людей, возвращающихся со смены – у кого одежда «фонила», тому – талончик на новую. Ну и в самом корпусе – проверяли, чтобы не было пятен. В столовой на входе стояли, чтобы народ не занес чего не надо. Столовых было несколько – одна большая для всех ремонтников, маленькая для оперативно-го персонала.

Кормили ликвидаторов неплохо. Особенно персонал, работающий на АЭС. Зелень, соки, шоколад, витамины. Поварахи приветливые, понимаешь ли, это способствует... пищеварению. Одно впечатление связано со столовой. Обедали в ночную смену – около полуночи, тишина, прожектора вокруг, и – у кого-то из персонала – приёмник настроен на «Голос Америки». И как раз в тот момент – передача про Чернобыль. Даже уже и не помню, что говорили, правда, но очень правдиво, но вот впечаталось.

Много разных впечатлений: вертолеты, люди, роботы-бульдозеры во дворе станции.. Хотя обломки и радиоактивный мусор убирала не столько

роботы, а люди. Роботы отказали, электроника у них чересчур чувствительная. Да и на крышу машзала робота затянуть непросто. А вот вертолеты мотались часто – по десять раз на дню – подвозили конструкции для саркофага, аппаратуру измерения, еще что-то. Особенно крутились около трубы, которую все знают по фотографиям – вентиляционной трубы четвертого блока. Хотя зачем – мы и

не разобрались тогда. Штаб ликвидации работал отдельно, а мы больше – с эксплуатационниками.

На четвертый блок было тогда уже не пройти – и дополнительная охрана, и стену начали возводить вокруг, саркофаг. На третий блок ходили – они связаны с четвертым технологически. Дежурили там одно время в АБК-2, это как раз административное здание второй очереди. Там, конечно, поля повыше...

Народу много было... Физики – одно, эксплуатация – другое, армия – третья, ГО – четвертое... были еще строители, шахтеры, милиция, врачи. Неразбериха, конечно, была, но все равно самое главное впечатление того жаркого лета – люди. Удивительный народ.. Чувство сплоченности и необходимости стране.. давно забытое сейчас.

Каковы главные уроки аварии? Их немало, конечно... Современные реакторы гораздо более совершенны, а существующие модернизировали системы безопасности... Но главное, мне кажется – в том, что операторы думали, что реактор никогда не взорвется. И поэтому и допустили такую неверо-

ятную цепь ошибок, случайностей. Ну и наложилось это на конструктивные и физические особенности. Это даже не беспечность, как на Титанике, это просто непогрешимая вера в то, что техника совершенна абсолютно. А техника не всегда совершенна, и очень часто слабым звеном этого несовершенства оказывается Человек.

... Впрочем, тридцать лет – немало для осмысления столь масштабных событий. Сейчас уже можно прочитать горькие записи академика В. Легасова об аварии, ну и конечно, трагические дневники зам. главного инженера станции В. Дятлова. там все в цифрах, почти без эмоций, хотя им без эмоций не обойтись...

Надо же пробиться через наслоения к сознанию, к подсознанию людей – на самом деле все же зависит только от нас с вами, вся наша жизнь, будущее, жизнь детей, внуков. Сколько «Чернобылей» нужно ещё, чтобы это понять и прочувствовать? Всё сделает наш народ, только должен захотеть. И страну из болота вытащит, и уважать себя заставит, никакого сомнения нет. Только времени вот мало остаётся. Надо успеть.

*Евгений Гашо,
доцент каф. ПТС МЭИ*

Это был отряд добровольцев

Взрыв на четвертом энергоблоке Чернобыльской атомной электростанции стал самой крупной техногенной катастрофой современности, сотни тысяч людей участвовали в ликвидации её последствий, среди них был ректор Московского Энергетического Института. **Николай Дмитриевич Роголев** поделился своей историей, связанной с Чернобылем, подарив нам уникальную возможность услышать всё из первых уст.

— **Николай Дмитриевич, расскажите о том, чем Вы занимались в то время и как Вы попали на Чернобыльскую АЭС.**

— Я был аспирантом первого года, готовился к серьезному натурному эксперименту, занимался проблемами экологического развития энергокомплексов крупных городов. После аварии стал формироваться отряд, который назывался «Дозиметрист-86». В отряд набирали студентов и аспирантов по направлению Энергетика. Таким образом, июль и август я провел на Чернобыльской АЭС.

— **Получается, это был отряд добровольцев?**

— Да, в него вошли те, кто посчитал это возможным и нужным. Не скрою, были ребята, которые отказались. В то время было много разговоров о компартии, о последствиях отказа, я за собой этого груза не чувствую, я просто считал, что нужно ехать. В марте у меня родился сын, двадцать шестого апреля случилась авария, а в июле мы отправились на ликвидацию. Семья не знала, куда я поехал, я сказал, что уезжаю на научный эксперимент. Если бы это случилось сегодня, думаю, что поступил бы так же.

— **Что сподвигло Вас к поездке?**

— Понимаете, тогда коллективизм был особенно развит, тем более у нас за спиной был хороший опыт студенческих строительных отрядов. Если перед нами поставили задачу, значит, мы отправились её решать.

— **Что Вы увидели, когда приехали в Чернобыль? Какими были Ваши первые впечатления?**

— Первые впечатления действительно связаны с Чернобылем, потому что в Припять въезд уже был закрыт. Обстановка напоминала фильм «Сталкер», только там грустный пейзаж, а это был цветущий украинский город. Яблоки висели, повсюду была зелень, и среди этого великолепия - полное отсутствие людей.

— **Было ли Вам страшно, когда Вы туда приехали? Какое настроение было у прибывших?**

— Вообще настроение было хорошее, но, понятно, что у каждого человека на душе какие-то тревоги всё таки были. По телевидению тогда вся информация была дозированная и взвешенная, чтобы не раскачать общественное мнение, поэтому определенная неизвестность присутствовала. Страха, честно говоря, я не помню, может быть, это связано с тем, что нас не сразу собрали и отправили, мы прошли здесь определенную подготовку.

— **Правда ли, что работы разрешалось проводить лишь ограниченное время?**

— Справедливости ради, стоит сказать, что, когда все только произошло, было не до контро-

ля облучения, многие погибли (пожарные, солдаты). Позже пришло осознание, и ситуацию, в отношении ликвидации, взяли под контроль, начали следить, чтобы дозы радиации были с минимальным ущербом для здоровья.

— **Что было Вашей главной задачей при ликвидации аварии?**

— Самой главной нашей задачей был дозиметрический контроль профессиональных строителей, которые занимались защитными сооружениями, они работали вне зданий АЭС. Мы производили контроль заражения, когда они возвращались с работ. Всё это происходило в административно-бытовых корпусах,

как раз рядом с четвёртым блоком. Также в Чернобыле мы проводили контроль объектов и делали заключение, можно их использовать или нет, потому что было много специалистов командированных для ликвидации последствий Чернобыльской аварии и их нужно было где-то размещать.

— **Понимали ли ликвидаторы Чернобыльской аварии в 1986 году, на что они идут и чем рискуют?**

— Если говорить о пожарных, они выехали исполнять свой долг. Я не думаю, что эти люди знали многое о радиации и осознавали, что шансов выжить у них фактически не было, но они выполнили задачу с честью для себя и для Родины. В этом плане специалисты, о ком бы мы не говорили, например, Славский Ефим Павлович (Министр среднего машиностроения, Трижды Герой Социалистического Труда), Щербина Борис Евдокимович (Заместитель Председателя Совета Министров СССР) ходили по зараженным объектам, это были люди высшей пробы по мужеству, и, конечно, они соотносили существо-

Комитет ВЛКСМ МЭИ
(название учебного заведения)

направляет товарища Роголева Н.В.
(ф., и., о.)

в качестве бойца
(должность в отряде)

студенческого отряда Дозиметрист - 86
(название)

для участия в работе по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС
(характер производственной деятельности отряда, место дислокации)

Секретарь комитета ВЛКСМ М. П.
(подпись)

198 г.

Тов. Роголев Николай Дмитриевич

Коллегия Министерства энергетики и электрификации СССР и президиум ЦК профсоюза рабочих электростанций и электротехнической промышленности объявляют Вам

БЛАГОДАРНОСТЬ

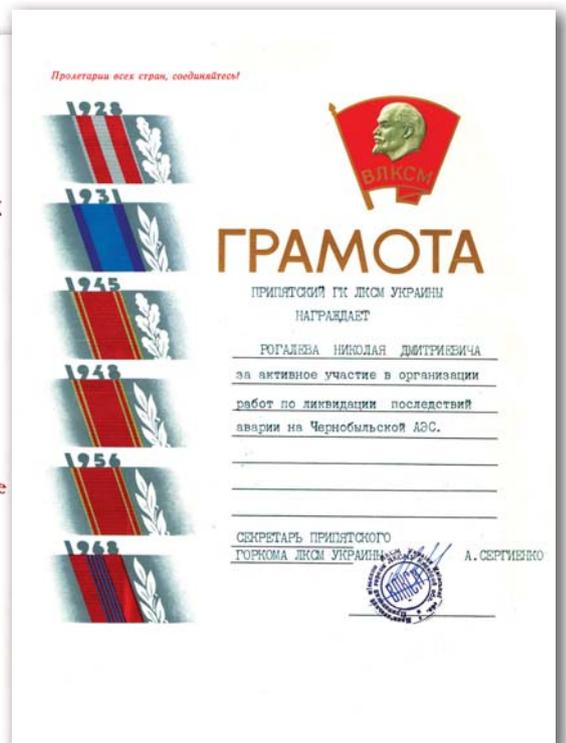
за активную работу по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и проявленные при этом мужество, отвагу и самоотверженность.

Желают Вам дальнейших успехов в труде на благо нашей любимой Родины и большого личного счастья.

КОЛЛЕГИЯ МИНИСТЕРСТВА ЭНЕРГЕТИКИ И ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ СССР

ПРЕЗИДИУМ ЦК ПРОФСОЮЗА РАБОЧИХ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ И ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

« 21 » августа 1986 г.

ющую угрозу с тем, что нужно было сделать. В большинстве своём люди понимали, что это опасно и просто так не пройдет.

— **Как Вы считаете по достоинству ли был оценен подвиг тех, кто принимал участие в ликвидации?**

— Наверное, в большей степени осадок у тех, кто по-настоящему пострадал, несмотря на то, что я был там в восемьдесят шестом году, я жив, работаю и со здоровьем все в порядке. Думаю, что подвиг людей, которые действительно его там совершили, оценили так, как было возможно в то время.

Интервью взяла
Мария Брызова
редактор профбюро ИТАЭ

«...При всей тяжести случившегося, ущерб оказался ограниченным в решающей мере благодаря мужеству и мастерству наших людей, их верности своему долгу...»

М.С. ГОРБАЧЁВ

Адрес редакции: Красноказарменная ул., 14, комн. И-511. Тел.: (495) 362-70-85, 62-41 (местный-МЭИ). E-mail: RGE@mpri.ru

Гл. редактор Т.Е. Семенова, исп. редактор Т. Корягина. Вёрстка: Т.Е. Семенова, Т. Корягина.

Газета отпечатана в Типографии Издательства МЭИ. Тираж 800 экз. Газета зарегистрирована в Министерстве печати и информации России, рег. №224. При перепечатке ссылка обязательна. Подписано в печать 14.04.2016.

С номерами газеты можно ознакомиться на сайте: www.auditoriya.info

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.